

ISSN 0869-4362

Русский
орнитологический
журнал

2016
XXV

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
1289
EXPRESS-ISSUE

2016 № 1289

СОДЕРЖАНИЕ

- 1849-1858 Судьба учёного в вихре времени
(Павел Владимирович Серебровский).
Н. Ю. КИСЕЛЁВА, У. АЛЕКС
- 1858-1860 Штрихи к биографии академика Ф.Д.Плеске (1858-1932).
Н. В. СЛЕПКОВА
- 1860-1862 Утки и лысухи в Ленинграде.
В. М. ХРАБРЫЙ
- 1862-1863 Встречи новых для Нижегородской области птиц
в 1995-2001 годах. Е. Л. МАЦЫНА, А. И. МАЦЫНА
- 1864-1866 Характер использования орешниковой соней *Muscardinus
avellanarius* искусственных гнездовий для птиц.
Г. Н. ЛИХАЧЁВ
- 1867-1868 Привлечение синиц в искусственные гнездовья
в горных ельниках Заилийского Алатау в 1977-1979 годах.
А. Д. ДЖАНЫСПАЕВ, Ю. Г. САВИН
- 1868-1869 Гнездование чёрного грифа *Aegypius monachus*
в Центральном Казахстане. В. Е. ФОМИН,
А. Н. ФИЛИМОНОВ, Л. В. ЖИРНОВ
- 1869-1870 Гнездовая орнитофауна закреплённых песков
Барсакельмесского заповедника. Д. О. ЕЛИСЕЕВ
- 1871 О залёте сибирской чечевицы *Carpodacus roseus*
в Ульяновскую область. А. Н. МОСКВИЧЁВ,
Г. В. ПИЛЮГИНА
-

Редактор и издатель А.В.Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

2016 № 1289

CONTENTS

- 1849-1858 Fate of scientist in the vortex of time
(Pavel Vladimirovich Serebrovsky).
N . Y u . K I S E L E V A , U . A L E X
- 1858-1860 Sketches for a biography of academician F.D.Pleske
(1858-1932). N . V . S L E P K O V A
- 1860-1862 Ducks and coots in Leningrad.
V . M . K H R A B R Y
- 1862-1863 The records of birds new to the Nizhny Novgorod Oblast
in 1995-2001. E . L . M A T S Y N A , A . I . M A T S Y N A
- 1864-1866 The hazel dormouse *Muscardinus avellanarius* in nest-boxes
for birds. G . N . L I K H A C H E V
- 1867-1868 Using nest-boxes by tits in the mountain spruce Trans-Ili
Alatau in the years 1977-1979. A . D . D Z H A N Y S P A E V ,
Y u . G . S A V I N
- 1868-1869 Breeding of the cinereous vulture *Aegypius monachus*
in Central Kazakhstan. V . E . F O M I N ,
A . N . F I L I M O N O V , L . V . Z H I R N O V
- 1869-1870 Breeding avifauna of stabilized sand dunes
of Barsa-Kelmes Nature Reserve. D . O . E L I S E E V
- 1871 The record of vagrant Pallas 's rosefinch *Carpodacus roseus*
in the Ulyanovsk Oblast. A . N . M O S K V I C H E V ,
G . K . P I L Y U G I N A
-

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St. Petersburg University
St. Petersburg 199034 Russia

Судьба учёного в вихре времени (Павел Владимирович Серебровский)

Н.Ю.Киселёва, У.Алекс

*Второе издание. Первая публикация в 2015**

История науки неотделима от создающих её судеб учёных. Судьба Павла Владимировича Серебровского, известного отечественного орнитолога, зоогеографа и палеонтолога, погибшего в блокадном Ленинграде в феврале 1942 года, сложилась парадоксально. Его научным работам была суждена долгая жизнь, он упоминается в переписке В.И. Вернадского и А.Н.Виноградова[†], на его исследования опирались биологи разных поколений, до сих пор активно цитируются книги и статьи. А вот биография оказалась утраченной... Позднее сотрудники Зоологического института Российской Академии наук, где Павел Владимирович работал сначала хранителем коллекции музея, потом заведующим отделом орнитологии, не смогли восстановить его жизнеописание – документы погибли в войну. Даже точные даты рождения и смерти были неизвестны. Сохранились несколько фотографий, а также статьи и книги...

В данной статье впервые публикуются биографические материалы, которые удалось восстановить в результате архивных изысканий и неоценимой помощи членов семьи Серебровских, бережно хранящих историю предков. Символично, что биография учёного возвращается в историю науки в год семидесятилетия победы нашей страны в Великой Отечественной войне.

Павел Владимирович родился в семье священника Владимира Васильевича Серебровского 30 января (17-го по ст. стилю) 1888 года в селе Худошино Нижегородской губернии[‡] (современный Первомайский район). Его мать, Анна Феофановна, дала жизнь 13 детям, девятирех сумела вырастить и поставить на ноги. Отец, Владимир Васильевич, не только служил в церкви – с 1884 по 1989 год он был учителем, законоучителем и заведующим в устроенной им самим в селе Худошино церковно-приходской школе. Анна Феофановна в девичестве самоучкой научилась читать и писать. Она обладала незаурядным литературным талантом (письма писала в стихах!), знала наизусть все стихи Н.А.Некрасова, формировала у детей интерес к культуре. Все дети пели

* Киселёва Н.Ю., Алекс У. 2015. Судьба учёного в вихре времени (Павел Владимирович Серебровский) // *Вестн. Мининского ун-та* 2.

[†] Переписка В.И.Вернадского и А.П.Виноградова, 1927-1944. М.: Наука, 1995. С. 138.

[‡] Архив ЦИАМ, ф. 415, оп. 321, дело № 1689, л. 3.

в церковном хоре. Члены семьи участвовали в любительских спектаклях, хорошо рисовали, многие писали стихи. Впоследствии один из родных братьев Павла Владимировича, Глеб Владимирович Серебровский – оперный бас – стал заслуженным артистом республики, дважды лауреатом государственной премии. Он пел в Ленинграде и Баку, а затем стал солистом Саратовского оперного театра.

Из села Худошина Владимира Васильевича перевели в Большое Мурашкино, а позднее – в Нижний Новгород. Революцию 1905 года Павел Серебровский встретил гимназистом Нижегородской губернской гимназии. Когда занятия в гимназии на время прекратились, отец-священник, не признававший безделья, устроил сына в ученики к сапожнику. В результате Павел ещё школьником научился шить и ремонтировать обувь. Поощряя успехи сына в ремесле, отец купил необходимый инструмент и несколько пар деревянных колодок. Это ремесло не раз пригодилось впоследствии молодому учёному в годы разрухи и гражданской войны (Серебровская 1994).

Гимназию Павел Владимирович окончил в 1907 году. В том же году он стал студентом естественного отделения физико-математического факультета Московского университета. Однако после того, как Серебровский закончил обучение на четвёртом курсе, он оставляет университет. В своей очень лаконичной автобиографии он так пишет о причинах этого: «В 1911 году вследствие увольнения проф. М.А.Мензбира, в лаборатории которого я работал как практикант старшего курса, и демонстративного ухода в отставку всего преподавательского персонала и студентов старшего курса, перешёл в Харьковский ун-т, который окончил в 1915 году с дипломом I степени»*. Интерес к орнитологии у Павла Владимировича отчётливо проявился в студенческие годы. Талантливый ученик М.А.Мензбира и впоследствии П.П.Сушкина не мог не оставить следа в истории науки.

В 1910-1911 годах Павел Владимирович Серебровский совершил ряд поездок по Нижегородской губернии, собрав обширный материал по орнитофауне региона, который стал основой его первой научной публикации (Серебровский 1918). Этой, по сути, юношеской работе была суждена долгая жизнь – книга стала первой научной сводкой по региональной орнитофаунистике, своеобразной точкой отсчёта, с которой начался мониторинг орнитофауны Нижегородской области и сопредельных регионов (Бакка и др. 2014).

Научную долговечность этой работы определили следующие обстоятельства. Впервые для региона был составлен полный орнитофаунистический список. В основном был установлен характер пребывания, общий уровень численности видов птиц региона, а также принципы

* Архив РАН, ф. 356, оп. 3, дело № 75, л. 94.

географического распределения (выделялись северные и южные виды). Собрана большая орнитофаунистическая коллекция, которая хранится в настоящее время в Зоологическом музее Московского государственного университета и отчасти – в фондах Нижегородского государственного краеведческого музея. Она продолжает активно использоваться учёными из разных регионов для эколого-фаунистических и систематических исследований. Региональные фаунистические сводки середины XX века (Зимин 1974; Коблик, Редькин, Архипов 2006) во многом основывались на материалах П.В.Серебровского. В очерках Красной книги Нижегородской области (Ануфриев, Бакка 2003; Ануфриев и др. 2014), посвящённых птицам, данные П.В.Серебровского используются как отправной пункт изучения распространения и численности редких видов этих животных.

Будучи студентом, П.В.Серебровский в 1912 году совершил в составе экспедиции П.П.Сушкина путешествие по Алтаю (от Минусинска до Монголии). В 1916 году он совершил самостоятельную экспедицию в Закавказье. Результаты обработки собранных там орнитологических коллекций были впоследствии опубликованы (Серебровский 1925а).

После окончания университета в 1916-1918 годах Павел Владимирович преподавал в Харьковской гимназии. Он женился на своей коллеге – учительнице Марии Никитичне Каретниковой. С 1917 по 1924 год работал ассистентом при кафедре зоологии Харьковского университета, которую возглавлял в то время известный орнитолог профессор П.П.Сушкин. В 1918 году Серебровский был принят в члены Общества испытателей природы при Харьковском университете. В 1923 году, наряду с работой в Харьковском университете, был избран профессором Харьковского зоотехникума по кафедре зоологии и генетики. В архиве семьи Серебровских хранится фотография 1927 года, на которой запечатлены члены натуралистического кружка имени профессора Серебровского при Харьковском зооветтехникуме.

В годы гражданской войны Харьков неоднократно переходил из рук в руки. Как сообщает в своих мемуарах дочь учёного, когда в город вошли деникинцы, П.В.Серебровский был болен тифом. Его «мобилизовали» в деникинскую армию, на носилках унесли ночью. Семья не надеялась увидеть его снова, но Павел Владимирович выжил и вернулся домой в 1921 году уже красноармейцем (Серебровская 1994). Детали биографии этого периода жизни учёного не известны, однако в документах П.В.Серебровский факта службы в белой армии не скрывал – например, в 1929 году в личном листке по учёту кадров профсоюза работников просвещения* на вопрос анкеты «Служили ли в армии (где, когда)» он пишет: «Служил солдатом в армии Деникина и Вран-

* Архив ЦГА, ф. 6307, оп. 15, д. 334, л. 57.

геля, потом в Красной Армии, демобилизован в 1921 году». Происхождение из семьи священников и служба в белой армии – поистине убийственное сочетание для того периода истории!

В 1924 году П.П.Сушкин пригласил Серебровского работать в Зоологическом Музее Академии наук в Ленинграде. Сушкин создал там к 1928 году настоящий центр русских орнитологических исследований. С одной стороны, он пригласил опытных учёных: П.В.Серебровского, А.Ю.Тугаринова, с другой – поощрял молодых орнитологов: Б.К.Штегмана, Л.А.Портенко, Л.М.Шульпина, Е.В.Козлову. Павел Владимирович принял приглашение и в 1924 году переехал в Ленинград, начав работу в качестве учёного хранителя Зоологического музея Академии наук СССР. Предлагаемая зарплата была очень невелика, и Серебровский не забыл взять с собой деревянные сапожные колодки, которые соответствовали размерам обуви его и его жены. В блокаду их сожгли...

Орнитологи Зоологического института АН СССР. Сидят, слева направо: П.В.Серебровский, П.П.Сушкин, А.Ю.Тугаринов, Н.Н.Сушкина, Е.В.Козлова. Стоят, слева направо: Л.М.Шульпин, Л.А.Портенко, Б.К.Штегман, А.И.Иванов. 1924 год.

После смерти П.П.Сушкина Павел Владимирович был переведён на должность заведующего орнитологическим отделением Зоологического института АН СССР в 1929 году и 12 лет возглавлял отделение.

1920-1930-е годы были «золотыми» для советской орнитологии. Они были связаны с перечисленными выше учёными «ленинградской школы» и орнитологами «московской школы» (М.А.Мензбиром, С.А.Бутурлиным, Г.П.Дементьевым), а также «сибиряками» (В.А.Хахловым, Х.К.Йоганzenом). Разница между научными направлениями этих школ была такой: ленинградские орнитологи (а также Хахлов и Йоганzen) определили границу «рода» в более узком смысле, понимали «вид» в более широком значении, чем московские учёные, признавали также и

тонкие различия географических форм в качестве «подвидов» и активнее применяли остеологические параметры при определении родства. В этом очевидно влияние П.П.Сушкина, который был не только орнитологом, но и лепидоптерологом. Сушкин изложил свою точку зрения о систематике животных (под влиянием трудов энтомолога А.П.Семёнова-Тян-Шанского) в издаваемом Г.И.Поляковым «Орнитологическом вестнике» в 1916 году (Сушкин 1916; Alex 2013a,b). Конкуренция между ленинградской и московской орнитологическими школами снова проявилась в 1950-е годы, когда одновременно были изданы две многотомные сводки по птицам СССР, которые существенно различались в решениях таксономических вопросов. По поводу таксономии птиц сегодня лидирует «московская школа» расщепления «видов»: 90% «подвидов», впервые описанных ленинградскими орнитологами, она не признаёт (Степанян 1990; Коблик, Редькин, Архипов 2006; Коблик, Архипов 2014).

Вклад П.В.Серебровского в систематику птиц, конечно, не сравним с вкладами Б.К.Штегмана или Л.А.Портенко. Он касался – кроме родов *Cinclus* и *Fringilla* (Коблик, Редькин, Архипов 2006; Коблик, Архипов 2014; Svensson, Roselaar 2014) – прежде всего белых *Lagopus lagopus* и тундряных куропаток *Lagopus mutus*. Впервые на основе обширного сравнительного материала он доказал существование трёх новых подвидов белых куропаток (Serebrowsky 1926), два из которых признаются и сегодня (Serebrowskij 1925; Roselaar 2003; Коблик, Редькин, Архипов 2006). В своей ревизии тундряных куропаток (Serebrowsky 1926, 1929) он описал пять новых подвидов, из которых четыре признаётся и ныне. Там же он дал и ссылки на географическую изменчивость, что привело к тому, что в 1985 году стало возможным выделить тундряную куропатку восточной Камчатки в качестве нового подвида (Потапов 1985; Svensson, Roselaar 2013).

В честь П.В.Серебровского названы юго-восточная сибирская форма белой куропатки *Lagopus lagopus sserebrowsky* Domaniewski, 1933 и южно-сибирская форма горной овсянки *Emberiza cia serebrowskii* Hans Johansen, 1944. В 1925 году Серебровский впервые для себя установил различия между горными овсянками южного Алтая/Тарбагатая и закаспийского региона, но не зафиксировал это номенклатурно. То же самое мы видим и в отношении тундряной куропатки, описанной Доманиевским: указания на обособленность этой формы есть уже в статье П.В.Серебровского от 1926 года. Характерной чертой Павла Владимировича было очень критическое отношение к этим вопросам – он считал возможным делать таксономические выводы только на основании больших серий коллекционных экземпляров из изучаемой местности.

Павел Владимирович Серебровский много работал с коллекциями, продолжал исследование влияния внешних условий на распростране-

ние и эволюцию организмов (преимущественно на орнитологическом материале). Президиум АН СССР на своём заседании 25 июня 1936 года постановил: «присудить учёную степень кандидата биологических наук (по зоологии) без защиты диссертации Павлу Владимировичу Серебровскому». Менее чем через год, 15 мая 1937 года, Президиум АН СССР допустил к защите докторскую диссертацию П.В.Серебровского «Этюды по истории птиц Палеарктики». Оппонентами были назначены профессора А.Н.Формозов и А.Я.Тугаринов и член-корреспондент Академии наук Л.О.Берг. В выписке из протокола содержится просьба к комиссии уточнить название диссертации. Защита диссертации с изначальной формулировкой темы состоялась 20 мая 1939, а 17 ноября 1939 года Высшая аттестационная комиссия утвердила присуждение П.В.Серебровскому учёной степени доктора биологических наук*. Как пишет Е.П.Серебровская (1994), Павел Владимирович с 1930 по 1937 год также работал по совместительству профессором Ленинградского университета.

Казалось бы, карьера учёного развивается успешно и стремительно, но в следующем году, осенью 1940 года, Павла Владимировича освобождают от занимаемой должности старшего научного сотрудника Зоологического института Академии наук СССР по сокращению штатов. Почему это произошло? Ни в выписке из решения Президиума АН СССР, ни в трудовой книжке объяснения этому нет... Подобное действие могло объясняться как усилением «классовой борьбы» в науке, так и «наименьшим злом», которое в итоге, возможно, спасло жизнь П.В.Серебровскому в тот период.

Одной из последних работ Серебровского стало обсуждение взглядов Э.Хартерта, О.Клейншмидта и Б.Ренша в рамках анализа развития систематики в орнитологии с 1890 до 1940 года (Серебровский 1941a; Alex 2013a,b). Серебровский критикует расширение категории «рода» Хартертом, в силу исчезновения филогенетических связей птиц перед глазами учёного. На примере синиц он отрицает существование лишь одного рода *Parus* и предлагает их несколько: *Poecile*, *Lophophanes*, *Periparus*, *Cyanistes*, *Parus* и т.д. Далее, он не согласен с чрезмерно подчёркиваемым принципом географического замещения (Vikarianz), потому что другие критерии видов и подвидов (морфологические, физиологические, экологические) при этом становятся вторичными. В противоположность Хартерту и Клейншмидту, Серебровский высказывает мнение, что во время эволюции «виды» раскалываются на «подвиды», из «подвидов» могут возникать «виды», которые могут даже развиваться в «подроды» (Subgenus) и «роды» – то есть чистый дарвинизм! Далее он критикует Клейншмидта в отношении его теории «кругов форм» и Рен-

* Архив семьи Серебровских.

ша в отношении дальнейшего развития этих представлений («круг пород», «круг видов») в 1920-х годах, хотя не совсем понял их и отвергает эту теорию без принятия во внимание дальнейшего развития систематики птиц в 1930-х годах Клейншмидтом, Хартертом, Штейнбахером и Майром (концепция *superspecies*, см.: Alex 2013a,b). К сожалению, Серебровский остался верным своей точке зрения, в отличие, например, от Штегмана (Там же). Для Серебровского категория «вид» представляет собой качественный прыжок филогенетического развития по сравнению с категорией «подвида», характеризующийся морфологической, физиологической и экологической независимостью. Он требовал ревизии актуальной систематики птиц в направлении примата категории «вида» и номенклатуры, которая в действительности соответствует категориям «подвида», «вида», «подрода» и «рода».

В марте 1941 года Естественно-исторический музей Азербайджанского филиала АН СССР заключил с Серебровским договор, согласно которому тот должен был определить около 630 птичьих костей и их фрагментов из бинагадинских отложений и написать статью о результатах. Сроком окончания договора было назначено 1 июля 1941 года. Серебровский закончил работу уже в начале войны, но статья увидела свет лишь в послевоенные годы (Серебровский 1948).

Когда в 1941 году возникла угроза Ленинграду, Павел Владимирович в качестве добровольца-бригадира пошёл на строительство оборонительных укреплений. В блокаду он вёл себя мужественно, дежурил в противовоздушной обороне. В конце 1941 года он был зачислен профессором Ленинградского университета (Серебровская 1994).

Последнее письмо, связанно с научной деятельностью, было отправлено Павлу Владимировичу из Азербайджана 21 января 1942 года:

«Многоуважаемый Павел Владимирович! Последнее письмо Ваше получил я без даты, где Вы подтверждаете получение от нас гонорара за работу «Птицы из Бинагадинских раскопок» для музея. Эту работу я включил в издательский план 1942 г., если выйдет, то отдельной книжкой. Мы Вам должны по этой работе ещё 700 руб., которые я переведу Вам в ближайшие месяцы, когда окончательно выяснится со сметой музея. Привет Вам от всего коллектива и от меня. Прошу не оставлять нас без внимания и временами писать нам. Уважающий Вас Р.Джафаров»*.

Получить эти деньги учёному уже было не суждено. Павел Владимирович умер от голода 5 февраля 1942 года. Его жена, Мария Никитична Серебровская, не позволила вынести тело мужа на улицу, где похоронные команды подбирали тела погибших и хоронили их в братских могилах. Умерший учёный лежал в своём кабинете, выстуженном свирепыми морозами зимы 1942 года. Через несколько недель после его смерти с фронта на побывку приехал зять и привёз с собой продукты — не только армейский паек, но еду, собранную товарищами. Фронтная

* Архив семьи Серебровских.

буханка хлеба – цена отдельной могилы на Серафимовском кладбище в Ленинграде...

У Павла Владимировича было трое детей. Сын Юрий, геолог, в 1941 году окончивший Ленинградский университет, погиб под Сталинградом в звании лейтенанта пехоты. Оставшиеся двое ушли из жизни уже пожилыми людьми: второй сын Владимир – военный моряк, участник Великой Отечественной войны, кандидат технических наук, и дочь Елена – литератор, член Союза писателей, кандидат филологических наук. Семья Серебровских бережно хранит семейные документы и реликвии, благодаря чему удалось восстановить основные этапы биографии Павла Владимировича.

Павел Владимирович Серебровский определял своё место в науке так: эволюционист, зоогеограф и орнитолог. В сфере его основных научных интересов были орнитогеография, история орнитофауны Палеарктики, изучение влияния климата на эволюцию птиц (Серебровский 1925б; 1935), а также вопросы подвидовой изменчивости пернатых. К числу его важнейших публикаций относятся «The influence of climate on the evolution of birds» (1925), «New races of Palaearctic birds» (1927), «К орнитогеографии Передней Азии» (1928а), «Этюды по истории птиц Палеарктики» (1937), «Новые виды птиц из бинагадинских отложений» (1940а). Много внимания Павел Владимирович уделял вопросам географического изменения окраски птиц. Он утверждал, что количество фактов, подтверждающих известное экологическое правило Глогера, тысячи, а отрицающих его – десятки. Некоторые исключения из правила связаны с историческими причинами, в частности с тем, что птицы, обитающие на определённой территории, вселились на неё недавно из местностей с другими климатическими характеристиками. Выявленные изменения П.В.Серебровский объяснял прямым воздействием факторов среды на пигментацию и наследованием вызванных изменений. Такой же точки зрения придерживались и немецкий орнитолог К. Гёрнитц (1923), который изучал не изменения окраски как таковой, а изменения обуславливающих её различных пигментов: меланинов и липохромов.

Перу Павла Владимировича принадлежит также руководство по методике полевых исследований по зоологии позвоночных (Серебровский 1928б), важная работа о проблемах орнитологической систематики (1941а), ряд популярных работ по эволюции животного мира и экологическим приспособлениям птиц (1930, 1934, 1935, 1936), а также статьи, посвящённые ископаемым птицам (1940а,б, 1941б,в).

Авторы благодарят за огромную помощь в восстановлении биографической информации знатоков архивных поисков с генеалогического форума ВГД <http://forum.vgd.ru/> Юрия Валентиновича Булатова, Владимира Алексеевича Веллинга, Ирину Германовну Лильт. Без их постоянной доброжелательной поддержки изыскания могли бы растянуться на очень долгий срок и оказаться менее результативными! Сотрудник читаль-

ного зала архива РАН Ирина Георгиевна Тараканова дала очень ценные советы, обозначившие дальнейшие направления поиска. В восстановлении истории семьи Серебровских помогали нижегородские краеведы Татьяна Львовна Грачева и Марина Гелиевна Иванова. Неоценимую помощь оказали представители московской и петербургской ветвей семьи Серебровских, бережно хранящие семейные архивы и любезно предоставившие возможность ознакомиться с ними. Помогали в поиске библиографической информации Александр Васильевич Бардин и Ю.Нейман (J.Нейтман). Важное содействие в коммуникациях осуществил Евгений Эдуардович Шергалин.

Литература

- Ануфриев Г.А., Бакка С.В. (ред.) 2003. *Красная книга Нижегородской области. Т. 1. Животные*. Нижний Новгород: 1-380.
- Ануфриев Г.А., Бакка С.В., Киселева Н.Ю. (ред.). 2014. *Красная книга Нижегородской области. Т. 1. Животные*. 2-е изд., перераб. и доп. Нижний Новгород: 1-448.
- Бакка С.В., Киселёва Н.Ю., Гучев И.А., Глухих А.Л. 2014. Исследования П.В.Серебровского – отправная точка региональной орнитофаунистики и мониторинга орнитофауны в Нижегородской области // *Мордов. орнитол. вестн.* 4: 44-51.
- Зимин Н.И. 1974. Птицы // *Природа Горьковской области*. Горький: 319-365.
- Коблик Е.А., Редькин Я.А., Архипов В.Ю. 2006. *Список птиц Российской Федерации*. М.: 1-286.
- Коблик Е.А., Архипов В.Ю. 2014. *Фауна птиц стран Северной Евразии в границах бывшего СССР: списки видов*. М.: 1-171.
- Потапов Р.Л. 1985. *Отряд курообразные (Galliformes). Семейство тетеревиные (Tetraonidae)*. Л.: 1-638 (Зоол. ин-т АН СССР. Фауна СССР. Нов. сер. № 133. Птицы. Т. 3. Вып. 1. Ч. 2).
- Серебровская Е.П. 1994. *Между прошлым и будущим. Записки свидетеля. Часть первая*. СПб.: 1-152.
- Серебровский П.В. 1918. Материалы к изучению орнитофауны Нижегородской губернии // *Материалы к познанию фауны и флоры России*. Отд. зоол. 15: 23-134.
- Серебровский П.В. 1925а. Результаты орнитологических наблюдений в Закавказском округе Закавказья в 1916 г. // *Новые мемуары МОИП* 18, 2: 1-89.
- Серебровский П.В. 1925б. Роль климата в эволюции птиц // *Бюл. МОИП*. Нов. сер. Отд. биол. 34: 375-415.
- Серебровский П.В. 1928а. К орнитогеографии Передней Азии // *Ежегодник Зоол. музея АН СССР* 29: 289-392.
- Серебровский П.В. 1928б. *Методика полевых исследований по зоологии позвоночных животных*. Л.: 1-130.
- Серебровский П.В. 1930. *История органического мира*. М.: 1-209.
- Серебровский П.В. 1934. *Происхождение домашних животных*. Л.
- Серебровский П.В. 1935. *История животного мира СССР (краткий очерк)*. Л.: 1-128.
- Серебровский П.В. 1936. Очерк третичной истории наземной фауны СССР // *Животный мир СССР*. М.; Л., 1: 11-78.
- Серебровский П.В. 1937. Этюды по истории птиц Палеарктики // *Изв. АН СССР*. Сер. биол. 4: 1185-1210.
- Серебровский П.В. 1940а. Новые виды птиц из бинагадинских отложений // *Докл. АН СССР*. Нов. сер. 27, 7: 766-768.
- Серебровский П.В. 1940б. О птицах бинагадинских кировых пластов // *Изв. Азерб. фил. АН СССР* 3: 71-75.
- Серебровский П.В. 1941а. Критика теории «кругов форм» (кризис систематики в орнитологии) // *Тр. Зоол. ин-та АН СССР* 6, 4: 158-190.
- Серебровский П.В. 1941б. Остатки плейстоценовых птиц из бинагадинских отложений // *Докл. АН СССР* 33, 7: 473-475.

- Серебровский П.В. 1941в. Птицы из плиоценовых отложений Одессы // *Докл. АН СССР* **33**, 7/8: 476-479.
- Серебровский П.В. 1948. Птицы бинагадинских кировых отложений // *Тр. Естеств.-истор. музея АН АзССР* **1/2**: 21-68.
- Степанян Л.С. 1990. *Конспект орнитологической фауны СССР*. М.: 1-728.
- Сушкин П.П. (1916) 2002. Подвид (subspecies) и племя (natio) // *Рус. орнитол. журн.* **11** (188): 560-564.
- Alex U. 2013b. *The Geospecies Concept*. Schraplau: 1-195.
- Alex U.O. 2013a. Kleinschmidt und die Artkonzepte in der Ornithologie 1890-1990. Teil 1 // *Blätter aus dem Naumann-Museum* **30**: 1-69.
- Görnitz K. 1923. Ueber die Wirkung klimatischer Faktoren auf die Pigmentfarben der Vogelfedern // *J. Ornithol.* **71**, 4: 456-511.
- Roselaar K. 2003. The Palearctic Birds // *The Howard and Moore Complete Checklist of the Birds of the World* / E.C. Dickinson (ed.). London: 1-1040.
- Serebrovskij P. 1925. The influence of climate on the evolution of birds // *Докл. АН СССР*. Сер. А. Апр.-июнь: 64-68
- Serebrovskij P. 1927. New races of Palearctic birds // *Докл. АН СССР*. Сер. А. **20**: 325-326.
- Serebrowsky P. 1926a. Neue Formen des Moorschneehuhnes (*Lagopus lagopus* (L.)) // *J. Ornithol.* **74**, 3: 511-515.
- Serebrowsky P. 1926b. Uebersicht der in Rußland vorkommenden Formen von *Lagopus montanus* Montin // *J. Ornithol.* **74**, 4: 691-698.
- Serebrowsky P. 1929. Zusätze zur Übersicht der paläarktischen Schneehühner (*Lagopus*) // *J. Ornithol.* **77**, 4: 521-524.
- Svensson L., Roselaar K. 2013. The Palearctic Birds // *The Howard and Moore Complete Checklist of the Birds of the World*. Vol. 1 Non-Passerines / E.C.Dickinson, J.V.Remsen, Jr. (eds.). Eastbourne: 461.
- Svensson L., Roselaar K. 2014. The Palearctic Birds // *The Howard and Moore Complete Checklist of the Birds of the World*. Vol. 2. Passerines / E.C.Dickinson, L.Christidis (eds.). Eastbourne: 752.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2016, Том 25, Экспресс-выпуск **1289**: 1858-1860

Штрихи к биографии академика Ф.Д.Плеске (1858-1932)

Н.В.Слепкова

Второе издание. Первая публикация в 2012*

Экстраординарный академик Фёдор Дмитриевич Плеске (1858-1932) – третий по счету директор, возглавлявший Зоологический музей Академии наук в XIX столетии – оставил значительный след в истории музея. Главным подвигом его академической карьеры стала подготовка музея к переезду в новое здание у Дворцового моста. Считается,

* Слепкова Н.В. 2012. Штрихи к биографии академика Ф.Д.Плеске (1858-1932)

// Зоол. ин-т РАН: Отчётная научная сессия по итогам работ 2011 г.: тез докл. СПб.: 28-30.

что успехом в решении финансовых проблем музея Плеске был обязан своему брату-финансисту, однако круг общения Фёдора Дмитриевича и социальный статус его семьи до сих пор не были предметом специального изучения.

Родители Ф.Д.Плеске происходили из дворян. Это Эдуард Людвиг Плеске (1817-1873) и Маргарита Елизавета Оом (1822-1880). Отец был полковником. Мать Плеске, урождённая Оом, имела саксонские и голландские корни. В словаре Брокгауза упомянут прямой предок Плеске – Ганс Оом, бывший в 1631 году ревельским бюргером, его сын (прапрапрадед Плеске) Адольф Оом (умер в 1753 году), бывший ревельским бургомистром, а также дядя Плеске (брат матери) Фёдор Адольфович Оом (1826-1898), бывший сначала секретарём императрицы Марии Фёдоровны, а позже – её почётным опекуном. В воспоминаниях он уделяет большое внимание своей матери – бабушке академика Плеске – Анне Фёдоровне Оом, урождённой Фурман (1791-1850), воспитывавшейся в доме известного мецената А.Н.Оленина. Семейство Олениных – одно из самых блистательных семейств золотого века России, где, по воспоминаниям Оома, его мать с детьми (стало быть, и с матерью Плеске до её 16 лет) обедали каждое воскресенье.

На 25-м году жизни Анне пришлось переехать в Дерпт, а потом в Ревель, где в 1822 году она вышла замуж за коммерсанта Вильгельма Адольфа Оома, который скоро разорился, и семейство Оомов переехало в Петербург. По протекции Олениных дед Плеске получил место воспитателя в Академии художеств и Кадетском корпусе. В 1827 году он умер, оставив жене четверых детей. В тот же год Оленины выхлопотали ей место главной надзирательницы Санкт-Петербургского воспитательного дома. Должность, которую с успехом исполняла бабушка Плеске в течение 25 лет, ввела эту знатную, но небогатую женщину в круг лиц, близко знакомых царствующей фамилии. Это определило карьеру её младшего сына, бывшего сначала секретарём цесаревича Александра в 1865-1867 годах, а потом и императрицы Марии Фёдоровны в 1867-1898 годах. Отец Плеске умер, когда ему было 15 лет, и, возможно, дядя – Фёдор Адольфович – был тем представителем старшего поколения, который был свидетелем академических успехов своего племянника, а, возможно, и важным его покровителем.

Маргарет Элизабет Оом вышла замуж за отца Плеске в 1851 году. Детей в этой семье было двое: Эдуард и будущий академик Теодор – Фёдор. Э.Д.Плеске (1852-1904) окончил Александровский лицей. Всю свою служебную карьеру он прошёл в финансовых учреждениях. Он был управляющим Государственного банка в 1894-1903 годах. В 1903 году, будучи уже смертельно больным, он был назначен вместо Витте на должность министра финансов. Помимо брата, у Плеске были и другие влиятельные в финансовых кругах родственники. Среди вос-

приемников детей Плеске в метриках архива упомянут муж племянницы Плеске – Владимир Николаевич Коковцев (1853-1943), который в 1896-1902 годах был товарищем министра финансов, в 1904-1914 – министром финансов, а с 1911 по 1915 годы – ещё и председателем Совета министров. В 1890-1896 годах он занимал в Государственной канцелярии (по Департаменту государственной экономики) должности от помощника статс-секретаря до товарища государственного секретаря. Жена брата – Мария Ильинична Плеске – была родной сестрой знаменитого музыканта Василия Ильича Сафонова (1852-1918), женатого, в свою очередь, на дочери министра финансов Вышнеградского (Варвара Ивановна Вышнеградская, 1863-1921). Таким образом, Плеске связывали с финансовой элитой страны самые разнообразные родственные узы.

Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2016, Том 25, Экспресс-выпуск 1289: 1860-1862

Утки и лысухи в Ленинграде

В.М.Храбрый

*Второе издание. Первая публикация в 1979**

Известно, что в Западной Европе кряква *Anas platyrhynchos* давно освоила культурные ландшафты городов и посёлков. Ряд зарубежных авторов с середины 1960-х годов отмечал, что во многих европейских городах численность гнездящейся кряквы быстро увеличивается. Утки приспособились к гнездованию в новых условиях и гнездятся в дуплах, на крышах и в развалинах зданий, в кучах железного лома и даже в дымоходах.

В последнее десятилетие кряквы всё чаще поселяются в городах. Не является исключением и Ленинград. Процесс проникновения диких уток в город быстро развивается. Численность гнездящихся птиц год от года увеличивается. К 1978 году в Ленинграде кряквы заселили пруды пригородных и городских парков и даже гнездятся в центре города – в Летнем и Таврическом садах.

Дикие утки (кряквы и одиночные нырковые утки: красноголовый нырок *Aythya ferina*, хохлатая чернеть *Aythya fuligula*, гоголь *Bucephala clangula*, морянка *Clangula hyemalis*) регулярно остаются на зимовку

* Храбрый В.М. 1979. Утки и лысухи в Ленинграде // *Охота и охот. хоз-во* 4: 17.

среди незамерзающих водоёмов Ленинградской области, а также в самом Ленинграде. Стайки уток зимуют на Неве у Механического завода, на рукавах Невы у Елагиных и Петровского мостов и в других местах. Так, зимой 1977/78 года в перечисленных местах успешно провели зиму более 200 уток. Условия зимовки для них на незамерзающих полыньях облегчаются подкормкой со стороны горожан и отсутствием врагов. Весной многие утки покидают места зимовок, но часть их остаётся до вскрытия льда на прудах городских парков. Гнездование крякв происходит, как правило, на земле, в тихих непосещаемых уголках. В парках, где нет островов среди прудов, утки хорошо приспособились гнездиться в дуплах старых деревьев.

Так, в одном из центральных городских парков – Летнем саду – кряквы гнездятся в дуплах старых лип. В 1977-1978 годах одно гнездо находилось в дупле липы, растущей в метре от главной аллеи парка, на высоте 5 м от земли. 25 мая 1978 кряква днём вывела из дупла 8 утят, которые ловко попрыгали с пятиметровой высоты на аллею парка. Затем охраняемая зрителями утка увела своё семейство на пруд, находившийся от гнезда на расстоянии 150 м. В Центральном парке культуры и отдыха им. С.М.Кирова утки гнездятся не только на островах, но и среди густой травы в 3-4 м от дорожек парка.

Численность гнездящихся крякв в городских парках быстро растёт. Так, например, в Московском парке Победы в 1976 году гнездилась 1 пара, в 1977 – 5, а в 1978 – 6 пар. В Летнем саду в 1976-1977 годах гнездилась 1 пара, а в 1978 – 3 пары. Одна кладка из этих трёх погибла, и утка больше к гнездованию не приступала. В 1978 году в семи городских парках и более чем в десяти прудах, карьерах и сырых местах новостроек города отмечено около 50 гнездящихся крякв.

Кроме кряквы, в городской черте на гнездовании отмечены чирок-свистунок *Anas crecca* и лысуха *Fulica atra*. Весной у ряда новостроек Ленинграда среди заболоченных куртин и сырых мест встречаются парочки свистунков. На гнездовании эта осторожная утка отмечена всего один раз в 1977 году: выводок её найден на небольшом острове, окаймлённом глубокими обводнёнными канавами.

Лысухи давно селятся на небольших прудах и карьерах окраин города. В 1977-1978 годах на сохранившихся прудах в конце Аллеи Славы, вдоль Петергофского шоссе, гнезилось 4-5 пар лысух. В городской черте гнездящиеся лысухи были обнаружены в эти же годы на заболоченных канавах в зоне отчуждения железной дороги Ленинград – Пушкин, в пойме Мурина ручья, на водоёмах вдоль железной дороги Ленинград – Москва. Интересно отметить и тот факт, что в последние годы в городской черте в местах гнездования уток и лысух всё чаще встречается ещё один представитель пастушковых птиц – камышница *Gallinula chloropus*. В 1978 году, например, пара камышниц

всё лето до поздней осени держалась на одном из прудов Московского парка Победы.

Со второй половины лета и до поздней осени в городе на Неве встречается и подолгу задерживается значительное число водоплавающих птиц. На многочисленных водоёмах кормятся молодые и старые местные утки, появляется часть других, прилетевших. На Неве и многочисленных её протоках в начале осени отдыхают на пролёте чомга *Podiceps cristatus*, а позднее – синьга *Melanitta nigra*, турпан *Melanitta fusca*, хохлатая чернеть и другие нырковые утки. А на Неве ниже Петропавловской крепости ежегодно оседают на пролёте стайки морянок в 15-20 штук, которые держатся до самого ледостава. С сентября и до самых заморозков огромные стаи уток, состоящие в основном из кряквы и частично свиязи *Anas penelope*, шилохвости *Anas acuta* и чирка-свистунка, кормятся по ночам в сохранившихся заболоченных местах новостроек Ленинграда. Так, на окраине интенсивно застраиваемого пустыря, расположенного у Поклонной горы, с наступлением темноты на кормёжку собирается до 500 уток. С заходом солнца птицы летят со стороны Лахты и Финского залива. Так, например, 12 октября 1978 с 18 ч до 19 ч 30 мин через наблюдательный пункт, расположенный на пустыре, пролетело 397 уток. Сходная картина наблюдается и в других местах города.

Приспособливание водоплавающих к новым условиям гнездования интересно и заслуживает внимания. Надо полагать, что процесс этот не случаен и будет развиваться дальше. Поддержка человека (подкормка, охрана, создание условий для гнездования) в значительной степени может способствовать росту и процветанию городских поселений уток, что представляется нам чрезвычайно важным.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2016, Том 25, Экспресс-выпуск 1289: 1862-1863

Встречи новых для Нижегородской области птиц в 1995-2001 годах

Е.Л.Мацына, А.И.Мацына

Второе издание. Первая публикация в 2001*

В период с 1995 по 2001 год на территории Нижегородской области отмечено пребывание восьми новых для области видов птиц.

* Мацына Е.Л., Мацына А.И. 2001. Новые встречи птиц в Нижегородской области // *Природные условия Керженского заповедника и некоторые аспекты охраны природы Нижегородской области*. Нижний Новгород: 238-239.

Кречет *Falco rusticolus*. Отмечен на реке Ветлуге в окрестностях Исправниковой дуги 24 июля 1996. Одиночная птица наблюдалась на расстоянии 20 м.

Пискулька *Anser erythropus*. 20 июля 2001 одиночная линияющая пискулька встречена на реке Ветлуге на границе Ветлужского и Варнавинского районов. Она держалась на русле реки и не пыталась взлететь, уходя от наблюдателей вплавь и хорошо ныряя. Видимо, она была ранена во время весенней охоты и продолжала оставаться на реке.

Ходулочник *Himantopus himantopus*. Ходулочник впервые встречен на иловых площадках нижегородской станции аэрации 14 июня 1996 (2 и 3 птицы); 22-25 июня 1996 здесь наблюдалась одиночная птица. В 2001 году пара ходулочников появилась на этой же территории 5 мая, 2 июня птицы вели себя территориально на одной из илонакопительных площадок; 30 июня наблюдали на той же площадке пару вместе с птенцом в возрасте около 2.5 недель. Взрослые проявляли крайнее беспокойство. При подходе к площадке птенец затаился на открытом участке, при этом одна взрослая птица так и не взлетела, оставаясь поблизости от птенца. Последняя дата встречи ходулочников на иловых полях (2 взрослых и 2 молодых птицы) – 24 июня 2001.

Шилоклювка *Recurvirostra avosetta*. В 1996 году стайка из 5 птиц наблюдалась в период с 14 по 25 июня на иловых полях нижегородской станции аэрации. Птицы кормились на прилегающих сельскохозяйственных полях и иловых площадках очистных сооружений.

Морской зуёк *Charadrius alexandrinus*. Одиночная птица встречена на иловых полях нижегородской станции аэрации в первых числах мая 1997 года.

Индийская камышевка *Acrocephalus agricola*. Впервые молодая индийская камышевка была поймана 23 июля 1998 в паутинные сети на иловых полях нижегородской станции аэрации; 8 августа 2001 здесь же поймана вторая молодая птица этого вида.

Желтолобая трясогузка *Motacilla lutea*. В 1997-2001 годах регулярно наблюдалась в течение гнездового сезона на иловых полях нижегородской станции аэрации.

Чечётка *Acanthis flammea*. 7 мая 1995 в еловом редколесье поймы реки Вол – притока Ветлуги найдено гнездо чечётки. Гнездо располагалось на высоте 1.5 м от уровня земли, свито из тонких еловых веточек и выстлано тонкими корешками, волосом, пуховым пером. В гнезде было 4 яйца. Птица слетела с гнезда при подходе наблюдателей.

Характер использования орешниковой соней *Muscardinus avellanarius* искусственных гнездовий для птиц

Г.Н.Лихачёв

Второе издание. Первая публикация в 1954*

Вывешивание искусственных гнездовий для мелких насекомоядных птиц – широко применяемое мероприятие по охране леса. Но вывешенные в лесу гнездовья заселяются не только птицами, но и грызунами – мышами, полёвками и сонями. Создание благоприятных условий для существования этих зверьков, конечно, нужно считать отрицательным явлением.

Наши наблюдения по заселённости искусственных гнездовий орешниковыми сонями *Muscardinus avellanarius* проводились в дубово-липовых насаждениях Тульских засек (1949-1952 годы) и в смешанном лесу (берёза, осина, липа, дуб, сосна, ель) Приокско-Террасного заповедника (1952-1954 годы).

В наибольшем количестве орешниковые сони заселяют искусственные гнездовья, размещённые в молодом лиственном лесу, в средневозрастных насаждениях и в значительно меньшем числе – в старом лесу. Гнездовья, находящиеся в смешанных хвойно-лиственных и тем более в чисто хвойных насаждениях, слабо или совсем не заселяются орешниковыми сонями.

Искусственные гнездовья, вывешенные в лес, осваиваются орешниковыми сонями не сразу. В первый год они в них появляются лишь осенью и в ограниченном числе. Полная заселённость гнездовий происходит только на второй-третий год. Причём чем моложе лес, тем быстрее происходит заселение. В наиболее молодых посадках гнездовья могут быть заняты значительным числом сонь уже в первый год их вывески в лес.

Степень заселённости искусственных гнездовий орешниковой соней в Тульских засеках, где её численность значительна, достигала на второй год вывески гнездовий: в молодом лесу (возраст 15-30 лет) – 66.7%, в средневозрастных насаждениях (возраст 40-50 лет) – 56.0%. В Приокско-Террасном заповеднике, где численность сонь меньшая, на третий год вывески искусственных гнездовых ящиков степень их заселения была: в лесу в возрасте 25-30 лет – 33.3%, а в более старом (30-

* Лихачёв Г.Н. 1954. Характер использования орешниковой соней птичьих искусственных гнездовий // 3-я экол. конф.: тез. докл. Киев: 194-198.

40 лет) – 27.9% всех гнездовий. Орешниковые сони посещают искусственные гнездовья всё лето. Наиболее ранняя дата нахождения сони в гнездовье – 14 апреля 1951, наиболее поздняя – 10 октября 1950. Однако посещаемость гнездовий зверьками на протяжении всего тёплого периода года далеко неравномерна.

Взрослые орешниковые сони в искусственных гнездовьях в значительном количестве встречаются в мае, но большинство их отмечается в июне. Затем в июле наступает заметное падение их встречаемости. В августе же вновь число орешниковых сонь возрастает, но не достигает тех размеров, что в июне. В сентябре взрослые сони начинают исчезать из гнездовий и к концу этого месяца перестают встречаться, за исключением отдельных экземпляров. В самое жаркое время лета орешниковые сони уходят из искусственных гнездовий и переселяются, по видимому, в подземные убежища. Причём чем жарче и суше лето, тем меньше сонь в гнездовьях.

В конце июля в гнездовьях начинают попадаться молодые сони, родившиеся в начале лета. В середине августа они уже составляют большую часть популяции сонь, встречающихся в искусственных гнездовьях. В сентябре молодёжь доминирует, в октябре же в гнездовьях остаются исключительно молодые зверьки.

В старых дубово-липовых насаждениях Тульских засек много естественных дупел. В лесу Приокско-Террасного заповедника, где преобладает берёза, осина и сосна, дуплистых деревьев мало. В Тульских засеках искусственные гнездовья были местом рождения и выращивания выводков орешниковой сони. В Приокско-Террасном заповеднике подавляющее большинство выводков сонь были рождены и выращены не в искусственных гнездовьях.

В Тульских засеках наибольшее число весенних выводков орешниковой сони зарегистрировано в последней декаде мая, а в Приокско-Террасном заповеднике ровно на месяц позднее – в последней декаде июня. Таким образом, в Тульских засеках старые самки могут иметь два выводка за лето. В Приокско-Террасном заповеднике такие случаи отсутствовали. Особенностью экологии орешниковых сонь, обитающих в Тульских засеках, является размножение в дуплах и появление первого выводка до наступления наиболее жаркого периода лета. Этим объясняется тот факт, что в районе наших наблюдений и в искусственных гнездовьях в преобладающем количестве встречались самки сонь (68.7% всех встреч зверьков в 1950 году). Иная картина наблюдалась в Приокско-Террасном заповеднике. Здесь самки, вследствие недостатка естественных дупел, привыкшие плодиться в иных укрытиях и приносящие приплод в самый жаркий период лета, встречались в искусственных гнездовьях в значительно меньшем числе, чем самцы (36.8% всех встреч зверьков в 1953 году).

Систематическое кольцевание отловленных орешниковых сонь и повторные их выловы дали возможность изучить характер их размножения по территории леса.

Взрослая часть популяции орешниковых сонь (особи в возрасте одного года и старше) всю свою жизнь обитают в одних и тех же микро-районах леса и, как правило, не совершают дальних кочёвок (свыше 300 м), даже если численность зверьков значительна.

Освоение новых мест обитания производится молодой частью популяции орешниковой сони. Причём распределение по территории леса молодых особей, родившихся весной, происходит в первое же лето их жизни, в июле-сентябре. Обычно те участки леса, где молодых сонь застывает осень и где они залегают в первую зимнюю спячку, остаются постоянными (на всю жизнь) местами обитания данных особей. Дальность кочёвок молодых орешниковых сонь иногда превышает 1000 м, но обычно она значительно меньше.

Молодые сони, рождённые во второй половине лета, осенью не совершают самостоятельных откочёвок и зимуют в местах своего рождения. Для них характерны весенние перемещения по лесу. Зимняя гибель орешниковых сонь очень значительна, в связи с чем весной в лесу оказывается много свободных мест обитания. Поэтому весенние кочёвки молодых орешниковых сонь наблюдаются сравнительно редко.

В годы интенсивного размножения орешниковых сонь при большой численности молодых особей их осенние кочёвки бывают более резко выраженными.

В выставленных в лес искусственных гнездовьях в наибольшем числе гнездятся мухоловка-пеструшка *Ficedula hypoleuca* и большая синица *Parus major*.

Главным врагом мухоловок-пеструшек являются размножающиеся самки орешниковой сони. Степень уничтожения орешниковой соней кладок пеструшек в отдельных участках леса может достигнуть 41.2% (Тульские засеки). Выводки большой синицы редко страдают от орешниковой сони.

В Тульских засеках, где орешниковая соня широко использует искусственные гнездовья для своего размножения, она является важнейшим препятствием гнездования мухоловки-пеструшки. Для Приокско-Террасного заповедника, где самки сонь сравнительно редко плодятся в искусственных гнездовьях, этого утверждать нельзя.

Привлечение синиц в искусственные гнездовья в горных ельниках Заилийского Алатау в 1977-1979 годах

А.Д.Джаныспаев, Ю.Г.Савин

Второе издание. Первая публикация в 1984*

На северном склоне Заилийского Алатау (Северный Тянь-Шань) в ельнике вдоль реки Правый Талгар в Алма-Атинском заповеднике 11-17 апреля 1977 года были развешены синичники. Линию развески условно разделили на три отрезка примерно равной длины: нижний – с перепадом высот от 1640 до 1700 м, средний – от 1700 до 1750 м и верхний – от 1750 до 1800 м над уровнем моря. Использовались скворечники двух размеров – большие и малые. Их устанавливали на расстоянии 40-50 м друг от друга и крепили к деревьям с южной стороны на высоте 1.5-2 м от земли. В 1977 году функционировало 98 синичников, в 1978 – 79 и в 1979 – 96.

В месте опыта обитают четыре вида синиц. Численность в прирусловом ельнике московки *Parus ater* составляет 7.3 особи, князька *Parus cyanus tianschanicus* – 2, большой синицы *Parus major* – 1.5 и джунгарской гаички *Parus songarus* – 0.5 особи на 1 км маршрута (Пфедфер 1978). Ко времени гнездования большая синица и князёк откочёвывают к нижней границе ельников и в зону лиственных лесов. После развески большие синицы начали гнездиться в синичниках через 3-10 дней, князьки и московки – через 15-20 дней в первой декаде мая. Джунгарские гаички за 3 года не селились ни разу.

В первый год птицы заселили 11 синичников (11.2%), в последующие – 12 (15.2%) и 8 (8.3%). Заселённость оказалась в 1.5-2 раза ниже, чем в других ущельях Заилийского Алатау (Гаврилов 1965). В 1977 году из 11 синичников в 5 поселилась московка и по 3 гнездовья заняли большая синица и князёк, причём пара большой синицы выкормила птенцов дважды. В 1978-1979 годах в синичниках гнездились только большая синица (соответственно 1 и 4 гнездовья) и московка (соответственно 10 и 4). Птицы заняли 16 больших и 15 малых синичников. 8 из 9 пар большой синицы (88.8%) отдали предпочтение большим синичникам, а 13 из 19 пар московки (68.4%) – малым. Большие синицы занимали гнездовья на нижнем (4 пары), среднем (4) и верхнем (1) отрезках линии развески, московки избирали средний (10) и верхний (6)

* Джаныспаев А.Д., Савин Ю.Г. 1984. Привлечение синиц в искусственные гнездовья // Изучение и охрана заповедных объектов. Алма-Ата: 37-38.

отрезки, а загнездившиеся князьки выбрали только средний отрезок.

Из числа конкурентов птиц за 3 года лесные сони *Dryomys nitedula* заняли 25 синичников (от 2.5 до 16.6% в разные годы). При этом 23 их гнезда (92%) оказались расположенными на нижнем отрезке линии развески, где была велика примесь лиственных пород. За этот же период хищниками разорено 7 гнёзд, из которых 4 – сонями на нижнем отрезке. От 2.5 до 13.5% синичников заселяли осы и шмели, но последние предпочитали брошенные птицами гнёзда, в том числе после вылета из них молодняка.

Можно предположить, что для привлечения синиц в поясе ельников целесообразнее развешивать в его верхних участках синичники большего размера. Защита их от лесных сонь остаётся пока проблематичной.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2016, Том 25, Экспресс-выпуск 1289: 1868-1869

Гнездование чёрного грифа *Aegypius monachus* в Центральном Казахстане

В.Е.Фомин, А.Н.Филимонов, Л.В.Жирнов

Второе издание. Первая публикация в 1974*

23-25 мая 1973 на юго-западной оконечности гор Шалкар-Нура (юго-восток Актюбинской области) было встречено 7 чёрных грифов *Aegypius monachus* и один белоголовый сип *Gyps fulvus*.

25 мая в одном из боковых ответвлений сая было обнаружено гнездо чёрного грифа. Дерево, на котором располагалось гнездо, поднималось на крутом склоне южной экспозиции в небольшой куртине деревьев (серебристого лоха и тополя) и густого кустарника. Гнездо – массивное сооружение из ветвей и сучьев саксаула было устроено на вершине лоха на высоте 2 м 80 см. Размеры гнезда: диаметр 1.9×1.4 м, высота 1.3 м, лоток плоский. В подстилке – мелкие веточки, древесная труха. В гнезде находилось яйцо размерами 93.80×71.85 мм и весом 245 г. Яйцо грязновато-белое с буро-жёлтыми пятнами, несколько сгущающимися на тупом конце.

25 мая при обследовании соседних сая было обнаружено второе, брошенное гнездо грифа. Сук тополя, на котором располагалось это

* Фомин В.Е., Филимонов А.Н., Жирнов Л.В. 1974. Гнездование чёрного грифа в Центральном Казахстане // Материалы 6-й Всесоюз. орнитол. конф. М., 2: 147.

гнездо, обломился, и оно лежало на земле вниз лотком. Гнездо было сооружено из ветвей и сучьев саксаула.

Это гнездо втрое больше первого, по-видимому, занималось грифами не один год. В стенках второго гнезда было множество гнёзд воробьёв, в гнезде с кладкой они не обнаружены. Весьма вероятно, что первое гнездо было сооружено грифами в этом году после гибели старого гнезда.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2016, Том 25, Экспресс-выпуск 1289: 1869-1870

Гнездовая орнитофауна закреплённых песков Барсакельмесского заповедника

Д.О.Елисеев

Второе издание. Первая публикация в 1984*

Гнездовая орнитофауна закреплённых песков острова Барсакельмес изучалась нами в весенне-летние месяцы 1980-1982 годов. На маршрутах и учётных площадках (5-15 га) учитывались гнёзда, поющие самцы и выводки слётков.

Emberiza bruniceps. Самый многочисленный и наиболее равномерно распределённый вид закреплённых песков (15-20 гнёзд на 10 га). Максимальная плотность – до 30 гнёзд на той же площади – отмечена на участках с преобладанием высоких (от 1.5 до 2.5 м) кустов саксаула, чередующихся с куртинами тамарикса. Три четверти гнёзд расположены на саксауле, одна пятая – на тамариксе. Единичные гнёзда находили на жузгуне, курчавке, астрагале и селитрянке.

Hippolais rama. Средняя численность на гнездовании этого вида такая же, как у жёлчной овсянки, однако южная бормотушка достигает максимальной плотности на некоторых участках авантюны в густых зарослях тамарикса. Две трети гнёзд найдены на тамариксе, чуть менее трети – на саксауле и, как исключение, на курчавке и сухой солянке Паульсена.

***Lanius pallidirostris* [*Lanius lahtora*]**. На 10 га отмечено от 0.5 до 1.5 гнезда, при выборе мест для которых предпочтение отдаётся высоким кустам саксаула. Но часто гнёзда встречаются также на тамариксе, жузгуне и дерезе русской.

* Елисеев Д.О. 1984. Гнездовая орнитофауна закреплённых песков Барсакельмесского заповедника // Изучение и охрана заповедных объектов. Алма-Ата: 38-39.

Caprimulgus europaeus. Гнездится, как правило, в невысоком разреженном кустарнике, хотя отдыхающие днём самцы и негнездящиеся самки чаще попадались в густом, сплошном саксаульнике. Количество гнёзд на 10 га колебалось от 0.5 до 1, но, возможно, эти цифры занижены. Пары, ещё или уже имеющие гнёзда, встречаются в два раза чаще.

Sylvia curruca halimodendri. Для постройки гнёзд обычно использует кусты саксаула высотой около метра, а иногда и курчавки. Густых зарослей избегает. Плотность невелика: 2-4 гнезда на 10 га.

Sylvia nana. Средняя плотность менее 1 гнезда на 10 га. Предпочитает редкий и низкорослый (до одного метра) саксаульник на выровненных и сильно засоленных участках песках, где другие птицы практически не гнездятся.

Calandrella rufescens. Являясь самым массовым видом в полынно-биюргуновом комплексе острова, встречается на наиболее выровненных участках закреплённых песков с редкой кустарниковой растительностью. В последнем биотопе средняя плотность составляла 3 гнезда на 10 га. Гнёзда расположены чаще всего в основании кустиков эфедры и пырея.

Galerida cristata. Впервые отмечен на острове на гнездовании в 1981 году. В следующем году встречался регулярно, но редко (в закреплённых песках – 0.2-0.5 гнезда на 10 га).

Passer indicus. Самый многочисленный вид на усадьбе и кордонах заповедника. В песках вьёт гнёзда редко (за 3 года отмечено только 7 случаев), располагая их на куртинах тамарикса на высоте 2 м.

Cercotrichas galactotes. До 1981 года, когда было найдено одно гнездо тугайного соловья, на острове не отмечался. В 1982 году обнаружены в трёх удалённых друг от друга точках три пары, но гнёзда не найдены.

Таким образом, к постоянно гнездящимся в закреплённых песках заповедника птицам можно отнести не четыре вида, как указывали М.И.Исмагилов и К.Б.Бурамбаев (1973), а семь. Это жёлчная овсянка, южная бормотушка, пустынный сорокопут, козодой, серый жаворонок, пустынная славка и пустынная славка-завирушка. Гнёзда или слётки вороны *Corvus corone*, отмеченной этими авторами в числе четырёх постоянно гнездящихся видов, нами не встречены.

Л и т е р а т у р а

Исмагилов М.И., Бурамбаев К.Б. 1973. Условия существования и характер пребывания птиц в заповеднике Барсакельмес // *Биол. науки* 5: 119-126.

О залёте сибирской чечевицы *Carpodacus roseus* в Ульяновскую область

А.Н.Москвичёв, Г.В.Пилюгина

Второе издание. Первая публикация в 2011*

Ареал сибирской чечевицы *Carpodacus roseus* охватывает Восточную Сибирь и Дальний Восток. Известны случайные залёты вида, в том числе зимние, в Западную Сибирь, на Урал, в европейскую часть России (в том числе в Среднее Поволжье – в Республику Татарстан, Самарскую область), и далее до Западной Европы (Бёме 1954; Рябицев 2008). В начале XXI века в Поволжье сибирская чечевица внесена в качестве залётного вида в списки птиц Саратовской области и Чувашии (Завьялов и др. 2009; Исаков и др. 2009). В частности, 9 декабря 1995 одна особь отловлена паутинной сетью на реке Малый Цивиль (окрестности посёлка Опытный Цивильского района Чувашской Республики). Спустя неделю ещё одну чечевицу наблюдали там же, но отловить её не удалось (Исаков и др. 2009). В Ульяновской области сибирскую чечевицу ранее не отмечали. 25 января 2011 в Ульяновске во дворе одного из жилых домов по улице Полбина был встречен взрослый самец данного вида. Чечевица кормилась на заснеженном тротуаре осыпавшимися плодами рябины *Sorbus aucuparia*. На следующий день эту птицу, но уже без хвоста, наблюдали на том же месте. Чечевица выглядела здоровой, активно чистилась и хорошо летала. Внешних признаков, свидетельствующих о содержании её в неволе, не выявлено, имеется несколько фотографий. Находка вида проанализирована и признана региональной орнитофаунистической комиссией.

Литература

- Бёме Л.Б. 1954. Род *Erythrura* Brehm, 1828 // *Птицы Советского Союза*. М., 5: 249-264.
- Завьялов Е.В., Табачишин В.Г., Якушев Н.Н., Мосолова Е.Ю. 2009. Распространение, численность, биология и экология птиц семейства вьюрковых в Саратовской области // *Волжско-Камский орнитол. вестн.* 3: 19-37.
- Исаков Г.Н., Яковлев В.А., Яковлев А.А. 2009. Воробьиные, вьюрковые и овсянковые Чувашской Республики // *Волжско-Камский орнитол. вестн.* 3: 51-69.
- Рябицев В.К. 2008. *Птицы Урала, Приуралья и Западной Сибири: справочник-определитель*. Екатеринбург: 1-634.

* Москвичёв А.Н., Пилюгина Г.В. 2011. О залёте сибирской чечевицы в Ульяновскую область, Среднее Поволжье // *Орнитология* 36: 216.